

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.8>

Надыршина Лейсан Радифовна, Ханнанова Гульчира Махмутовна

МОТИВ СНА В ТВОРЧЕСТВЕ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ И ТАТАРСКИХ ПОЭТОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья посвящена изучению мотива сна в творчестве Габдуллы Тукая и татарской поэзии начала XX века. Авторами статьи использован иной подход в изучении мотивики творчества поэта: конкретный мотив анализируется в контексте татарской поэзии этого периода, выявляются устойчивые семантические варианты, обусловленные особенностями литературного процесса. Основное внимание акцентируется на анализе изучаемого мотива на материале лирических и лиро-эпических произведений данного периода как на уровне поэтики, так и на содержательном уровне. Сделан вывод о том, что мотив сна в творчестве Габдуллы Тукая и в татарской поэзии начала XX века доминирует в произведениях критического реализма, имеет национальное звучание; в ряде лиро-эпических произведений других авторов соотносится с модернистской парадигмой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/11-2/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(89). Ч. 2. С. 254-258. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

к произведениям, христианской этике и философии, синтаксическом строе предложений, синтагм и стихов, преемственности традиций различных диалектов, специфике литературного нарратива, выборе огама в качестве эпиграфических знаков традиции эпитафий, формулах в обозначении родства, эпитафий, сопутствующих ритуалам в качестве категории предикативности.

Список источников

1. **Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах.** М.: Худ. лит., 1975. 752 с.
2. **Вышенская Ю. П.** Стилиевые приметы средневекового поэтического дискурса (на тропеическом материале поэмы "The Pearle") // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (43). Ч. 2. С. 48-52.
3. **Жуковский В. А.** Полное собрание сочинений и писем: в 20-ти т. / под ред. А. С. Янушкевича, Э. М. Жиликовой, Н. Ж. Ветшевой. М.: Языки славянской культуры, 2008. Т. 3. Баллады. 452 с.
4. **Калыгин В. П.** Язык древнейшей ирландской поэзии / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1986. 124 с.
5. **Карамзин Н. М.** Избранные сочинения: в 2-х т. М. – Л.: Худ. лит., 1964. Т. 2. 590 с.
6. **Ле Гофф Ж.** Средневековый мир воображаемого / общ. ред. С. К. Цатуровой. М.: Прогресс, 2001. 439 с.
7. **Пиктский язык** [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пиктский_язык (дата обращения: 06.10.2014).
8. **Шекспир У.** Король Лир // Шекспир У. Трагедии / вступ. и коммент. А. Зверева. М.: Детская литература, 1989. С. 249-369.
9. **Шекспир У.** Макбет // Шекспир У. Трагедии / пер. с англ. Б. Пастернака. Л.: Худ. лит., 1982. С. 189-261.
10. **Шекспир У.** Сон в летнюю ночь // Шекспир У. Пьесы. Сонеты. М.: АСТ; Омега, 2002. С. 189-264.
11. **Шекспир У.** Сонеты / сост. А. Н. Горбунов. М.: Радуга, 1984. 365 с.

INFLUENCE OF LITERARY TRADITION OF MONASTIC CULTURE ON THE CELTIC VERSE

Men'shikova Anna Andreevna

*Tomsk State University
menanna1366@yandex.ru*

The article deals with the heritage of the Celtic culture in the medieval literature and its subsequent traditions in the European and Russian poetry of the XVIII-XIX centuries. As a result of the conducted research, it has been ascertained that the Celtic folklore tradition is not fully authentic. In most cases, it was influenced by literary processing; the metaphorical figurativeness of the works is the principle of generating sense for lexical units, which change their meaning to the point of abolition depending on a specific text. Shakespeare's works and the Russian poetry of the XVIII-XIX centuries inherited the tradition of the Celtic verse.

Key words and phrases: W. Shakespeare; Celtic tradition; poetics; verse; folklore; "learned" culture; cognitive approach; Northumbrian Renaissance.

УДК 82:821.512.145; 82:801.6

Дата поступления рукописи: 18.09.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.8>

Статья посвящена изучению мотива сна в творчестве Габдуллы Тукая и татарской поэзии начала XX века. Авторами статьи использован иной подход в изучении мотивики творчества поэта: конкретный мотив анализируется в контексте татарской поэзии этого периода, выявляются устойчивые семантические варианты, обусловленные особенностями литературного процесса. Основное внимание акцентируется на анализе изучаемого мотива на материале лирических и лиро-эпических произведений данного периода как на уровне поэтики, так и на содержательном уровне. Сделан вывод о том, что мотив сна в творчестве Габдуллы Тукая и в татарской поэзии начала XX века доминирует в произведениях критического реализма, имеет национальное звучание; в ряде лиро-эпических произведений других авторов соотносится с модернистской парадигмой.

Ключевые слова и фразы: мотив сна; татарская поэзия; онейросфера; онирические состояния; мотив; художественный мир; Г. Тукай; художественная парадигма.

Надыршина Лейсан Радифовна, к. филол. н.

Ханнанова Гульчир Махмутовна

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова

Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

leysan_tatar@mail.ru; ghan2003@mail.ru

МОТИВ СНА В ТВОРЧЕСТВЕ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ И ТАТАРСКИХ ПОЭТОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Правительства РТ в рамках научного проекта № 18-412-160012.

В начале XX века – «в период формирования новой светской литературы, активного поиска новых приемов и средств художественной выразительности, обогащения содержания и формы литературного произведения» [14, с. 37] – татарская поэзия выходит на обусловленный культурно-историческим контекстом

качественно новый уровень развития, «проявившийся в полилоге культурных традиций, во взаимодействии различных художественных парадигм, многообразии жанровых форм» [8, с. 17]. Доминирующие до этого периода восточные традиции, дидактическое содержание национальной поэзии тесно переплетаются с новыми тенденциями. Это находит отражение и в мотивике: в поэзии формируется новая система мотивов, в которой, наряду с традиционными, восходящими к традициям средневековой литературы (мотив любви, плача, страдания и др.), появляются мотивы, обусловленные новым культурно-историческим контекстом (наступление рассвета, зари; сон; пробуждение от сна, единение и др.).

Показательно с этой точки зрения творчество Г. Тукая, который «определил векторы развития национальной литературы и особого, золотого, периода в истории татарской культуры начала XX века» [4, с. 46].

Изучение поэтических мотивов в лирике Г. Тукая в контексте татарской поэзии начала XX века позволяет выявить системообразующие связи в поэзии этого периода и одновременно особенности художественного мышления поэта.

Современными учеными исследованы различные мотивы поэзии Г. Тукая [1; 2; 4; 7]. В настоящей статье предметом исследования является мотив сна, рассматриваемый в контексте мотивики татарской поэзии начала XX в.

Исследователи феномена сна в литературе зачастую воспринимают его как «сообщение от таинственного Другого» [6, с. 124], как некое послание, предсказание. В татарской поэзии начала XX века мотив сновидения нередко приобретает такую семантику. Примером тому служит поэма С. Сунчелея «Сүнгән жан» («Угасшая душа», 1913), где кошмарный сон, приснившийся героине на смертном одре, оказывается провидческим: указывает на будущее её дочери, брошенной после смерти матери на произвол судьбы. Предсмертные видения матери воспринимаются как гиперболизированный образ бытия, реальности, заставляя читателя вздрогнуть от натуралистической картины казни молодого человека. В поэзии Г. Тукая такая семантика не обнаруживается.

Нередко в литературных произведениях мотив сна наделяется семантикой другой реальности, противопоставляемой действительности. Такая семантика сна соответствует романтической картине мира. Так, в стихотворении Г. Тукая «Төш» («Сон», 1910), написанном как подражание произведению Гёте, влюбленный лирический герой – поэт – предстает в своем сне богатым, могущественным и властным правителем, который преклоняет голову перед любимой и, затаив дыхание, ждет от нее ответных чувств. Именно в этот момент герой просыпается и понимает иллюзорность своего состояния:

*Төш шул төшкә житкәч, шагыйрь уянды да,
«Явыз язмыш!» – диеп азрак уйланды да,
Уйларга да өлгермәде, мискин гашыйк,
Кайнар яшькә ике күзе чыланды да [11, б. 151]!
В тот же миг прервался чудный сон.
Встал я с ложа злой и удрученный.
«Ах, судьба! Зачем стащила трон?!»
Я вскричал, ужасно огорченный (перевод Н. Ахмерова) [15].*

Но горестные чувства очень быстро меняются облегчением, приходит осознание ничтожности потери, герой утешается чувством светлой любви:

*Бераздан соң килде аңар шатлык янә:
Егъласам мин, егъладым, ди, шашып кына;
Мәхәббәтем һаман иске мәхәббәт ич,
Югалтсам мин, югалттым, ди, шаһлык кына [11, б. 151]. /
Что ж тут делать? Спорить ли с судьбой?
И тогда моя выиграла младость:
«Что мне трон?! Осталась ты со мной!
Ты – любовь и жизнь моя, и радость» (перевод Н. Ахмерова) [15].*

В целом в татарской поэзии начала XX века мотив сновидения очень часто соотносится именно с романтической парадигмой, выступая как точка пересечения реального мира и мира романтических грез, когда герой встречается со своей возлюбленной и раскрывает перед ней душу. Например, такая вариация мотива сновидения встречается в стихотворении «Төш» («Сон», 1916) С. Сунчелея.

В татарской поэзии начала XX века, сохраняющей связь с традициями просветительского реализма, в рамках реалистической парадигмы художественности усиливаются критическое и сатирическое начала. Например, в сатирических произведениях Г. Тукая, Ш. Бабича, Г. Гайнуллина-Чокалы высмеиваются негативные стороны, пороки национальной действительности. Г. Тукай, сатирические стихи и поэмы которого стали вершинами татарской сатиры, «разоблачает двуличие, безнравственность отдельных религиозных деятелей и представителей национальной интеллигенции» [4, с. 48]. В стихотворении «Бисул кадимче» («Старометодник», 1908) поэт обращается к мотиву сновидения как к сатирическому приему. Герой произведения внешне кажется идеальным религиозным деятелем, но ведет разгульный образ жизни. В трактире, где он и его единомышленники разглагольствуют о джадидизме, осуждают сторонников развития нации, опьяневшему герою снится сон: он видит себя в раю. Создаваемая в стихотворении картина рая далека от религиозных представлений: здесь героя встречают гурии, официанты обслуживают бесплатно, напитки льются рекой. Абсурдность

ситуации достигает наивысшей точки в диалоге со стражем райских ворот, разъясняющим заслуги, за которые герой получил милость Создателя:

Диде: «Ожмахлысың, син чөнки динле, –

Химайэт әйләдең пивнойда дине» [10, б. 252]. /

Ответил: «Ты достоин рая, потому что ты благочестивый, –

Защитал религию в пивной» (перевод авторов статьи. – Л. Н., Г. Х.).

С пробуждением герой возвращается в действительность: мнимые друзья оставили его с неоплаченным счетом без гроша в кармане, и его забирают в полицию. Таким образом, мотив сновидения в данном произведении становится своеобразным сатирическим приемом, раскрывающим сущность фанатичных деятелей татарской культуры, противостоящих развитию нации.

Примечательно, что и в публицистике Г. Тукая обнаруживается такая семантика сновидения. Например, в фельетоне «Төш күрдәм» («Я видел сон», 1907), написанном в связи с собранием одной из благотворительных организаций, мотив сновидения становится основным сатирическим приемом, позволяющим высмеять невежество и беспечность отдельных представителей татарской нации. Подобного рода сатирическая функция мотива сна обнаруживается и в произведениях других поэтов начала XX века. Например, в поэме Г. Гайнуллина-Чокалы «Биш мужик» («Пять мужиков», 1910) каждый из пяти героев рассказывает о своем видении (все герои утверждают, что видели (либо во сне, либо наяву) джиннов и одержали над ними победу). Онирический мотив становится сатирическим приемом, позволяющим автору высмеивать такие черты народа, как невежество, вера во всякие сверхъестественные силы, и в то же время предаваться глубоким раздумьям о причинах этих социальных пороков.

В татарской поэзии начала XX века мотив сна зачастую раскрывается в рамках просветительской парадигмы. Так, например, в лиро-эпическом произведении К. Хаммадова «Күмелгән зәкявәт» («Потерянное счастье», 1914) просветительская оппозиция старое – новое приводит к обобщениям социального характера: автор критикует схоластические взгляды, пагубно влияющие на прогрессивную молодежь. Сновидение героя становится художественным приемом, способствующим раскрытию идеи произведения и душевных переживаний молодого человека, чьи стремления к передовому образованию сводятся на нет царствующими в медресе старыми порядками. Во сне герой видит наполняющееся светом пространство, в котором такие же молодые люди движутся к небу, в направлении небесных светил – солнца, луны, звезд. Таким образом, сон выступает как модель идеального бытия, понимаемого в контексте просветительских идей.

Просветительские идеалы в татарской литературе начала XX века включали в себя идеал служения нации. Татарская интеллигенция видела цель жизни и творчества в культурном возрождении своего народа, в «решительной борьбе за уничтожение всего устаревшего: в порядках, во взглядах, в системе обучения и воспитания, в семейных отношениях и в женском вопросе и т.д.» [7, с. 41]. В поэзии Г. Тукая «мысль о необходимости развития нации на основах образованности и культуры зазвучала как национальная идеологема» [4, с. 46]. Ведущими в его творчестве стали мотивы единения, развития татарского народа. Прогрессивные перемены в жизни нации у Г. Тукая, как и у многих других татарских поэтов начала XX века, выражаются в мотиве пробуждения от сна, становящегося одним из лейтмотивов. Устойчивая семантика этого мотива сопряжена с пониманием современного состояния татарской нации как многовековой спячки. Мотив пробуждения ото сна в таком случае связывается с идеями активной деятельности, необходимой для прогресса нации.

В творчестве Г. Тукая данный мотив обнаруживается в стихотворениях «Мужик йокысы» («Просыпайся, мужик!», 1905), «Иттифакъ хакында» («О единстве», 1905), статье «Безнең милләт үлгәнме, әллә йоклаган гынамы?» («Умерла ли наша нация или спит?», 1906) и др. В написанном в 1908 году двустишии «*Руслар эш күрәләр, Мөселманнар төш күрәләр*» [10, б. 254]. / «*Русские видят дела, Мусульмане видят сны*» (перевод авторов статьи. – Л. Н., Г. Х.) бездеятельности татар (в литературе начала XX века слово «мусульмане» часто использовалось вместо этнонима «татары») противопоставляется активность русских. В этом ироническом стихотворении мотив сна выражает отношение поэта к пассивности и равнодушию к прогрессу отдельных слоев татарской нации.

Онирические мотивы в татарской поэзии начала XX века часто встречаются в произведениях модернистской парадигмы (Дардменд, Сагит Рамеев, Ибрагим Башмаков, Габдулла Биги-Мустакаев, Хабибулла Габидов, Фарит Ибрагимов, Сагит Сунчелей, Фатхи Бурнаш, Наки Исанбет, Бахтияр Мирзанов и др.). В частности, заслуживают внимания произведения, в которых на первое место выходят экзистенциальные мотивы: одиночества, бессилия перед судьбой, обреченности. Зачастую эти мотивы приобретают национальное звучание, соединяясь с мотивами исторической памяти, судьбы народа. Сон в произведениях экзистенциальной тематики зачастую выступает как пограничное состояние, в котором смещаются рамки пространства и времени, границы между реальным и ирреальным, жизнью и смертью. Так, например, в поэме «Төш» («Сон», 1915) Ф. Ибрагимова сновидение героя (ему снится, как младенец в мгновение ока становится старым человеком) является точкой отсчета переосмысления жизни, осознаваемой как путь между жизнью и смертью. При этом экзистенциальные тенденции воспринимаются как естественная закономерность бытия:

Көннәр үтә, айлар, еллар үтә,

Арта һаман үткән көн саны...

Мулла бабай гына дөнъяда юк,

Жүр астында күптән күмелгән.

*Көннәр үткән, айлар, еллар үткән,
Чыккан инде хәзрәт күңелдән [5, б. 293]. /
Проходят дни, месяцы, года,
Все больше прожитых дней...
Только старого муллы нет на свете,
Давно покоится в земле.
Прошли дни, месяцы, года,
Никто и не помнит его (перевод авторов статьи. – Л. Н., Г. Х.).*

Характерные для экзистенциального сознания представления о конечности бытия, о бренности жизни человека встречаются и в поэзии Г. Тукая, когда «размышления о трагическом социальном положении народа, у которого нет счастливого настоящего, негодование и горе лирического героя проецируются на все человечество» [4, с. 49]. Экзистенциальные мотивы в творчестве поэта связаны и с духовным кризисом, чувством безысходности, крушением надежд и стремлений, вызваны личной драмой в судьбе самого поэта, когда он уже понимал неизбежность конца. Содержание одного из таких произведений автора – «Хәстә хәле» («Состояние больного», 1913) – полностью основано на мотиве кошмарного сновидения, который, в сочетании с мотивом бессонницы, ассоциируется с душевным состоянием лирического героя, переживающего духовный упадок и признающего свое бессилие перед судьбой:

*Бетте иман, мәрхәмәт, шәфкать, мэхәббәткә тәмам;
Бәйлә корбанлык кеби, алда кызыл кан, ит күрәм.
Бар хаятым салкыныннан туңды жән, катты күңел;
Һәр ягында бар жиһанның замһәрирдән чик күрәм [11, б. 277]. /
Иссякла вера в жизнь, любовь, добро и состраданье,
Повсюду вижу смерть и кровь, как жертва на закланье.
От лютой стужи жизни всей закоченоло сердце
И никогда душе теперь уже не отогреться (перевод В. Думаевой-Валиевой) [16].*

Смерть в этом стихотворении выступает как трагическая неизбежность, с одной стороны, и как средство избавления от физических и духовных мук – с другой:

*И үлем! Мин синдә бер хәсрәт вә бер шатлык күрәм [11, б. 277]. /
О смерть! В тебе я вижу скорбь и радость избавленья (перевод В. Думаевой-Валиевой) [16].*

Итак, семантика и функции мотива сна в произведениях Г. Тукая во многом обусловлены особенностями литературного процесса начала XX века: сосуществованием различных художественных направлений (просветительский реализм, романтизм, критический реализм, модернизм). В просветительских стихотворениях Г. Тукая сон выступает как состояние татарской нации (отсюда характерные для таких стихотворений призывы к пробуждению нации). В реалистических произведениях преобладает сатирическое начало: мотив сна позволяет высмеивать представителей различных социальных слоев, препятствующих прогрессу нации. В произведениях, близких к модернистской парадигме, сон – пограничное состояние, в котором лирический субъект приближается к черте, отделяющей жизнь от смерти.

Выявленные семантические варианты мотива сна обнаруживаются не только в стихотворениях Г. Тукая, но и в произведениях других татарских поэтов начала XX века, что позволяет говорить об устойчивой семантике этого мотива, определяемой культурно-историческим и историко-литературным контекстами.

Список источников

1. **Абдуллина Д. М.** Габдулла Тукай ижатында Коръән мотивлары. Казан: Татар. кит. нәшр., 2013. 191 б.
2. **Аминова В. Р.** Габдулла Тукай и русская литература XIX века: типологические параллели: монография. Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. 160 с.
3. **Гайнуллин-Чокалы Г.** Биш мужик. Казан, 1910. 16 б.
4. **Загидуллина Д. Ф.** Основные мотивы поэзии Габдуллы Тукая: отражение посвященной народу жизни // Научный Татарстан. 2011. № 2. С. 46-52.
5. **Ибраһимов Ф.** Төш // Аң. 1915. № 17. Б. 291-293.
6. **Лотман М. Ю.** Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
7. **Миннуллин К. М.** Изучение литературного наследия Габдуллы Тукая в контексте тюркоязычных литератур (на примере одного мотива из творчества Г. Тукая и Сабира) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (75). С. 41-44.
8. **Надыршина Л. Р.** Татарская поэма начала XX века как художественная система: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2009. 19 с.
9. **Рәхим Г.** Баллада // Аң. 1915. № 23-24.
10. **Тукай Г.** Әсәрләр: 6 томда. Академик басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 1 т.: шигъри әсәрләр (1904-1908). 407 б.
11. **Тукай Г.** Әсәрләр: 6 томда. Академик басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 2 т.: шигъри әсәрләр (1909-1913). 384 б.
12. **Тукай Г.** Әсәрләр: 6 томда. Академик басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. 4 т.: проза, публицистика (1907-1913). 431 б.
13. **Хаммадов К.** Күмелгән эжяват // Кәшшаф Хаммадов шигърьләре. Казан, 1914. Б. 13-23.

14. Юсупова Н. М. Особенности символизации в татарской поэзии XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4 (82). Ч. 1. С. 37-41.

15. <http://gabdullatukay.ru/rus/works/poems/1910-god/son-per-n-ahmerova/> (дата обращения: 28.09.2018).

16. <http://gabdullatukay.ru/rus/works/poems/1913-god/bolezn-per-v-dumaevoy-valievoj/> (дата обращения: 28.09.2018).

MOTIVE OF DREAM IN THE CREATIVE WORK OF ĞABDULLA TUQAY AND THE TATAR POETS OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Nadyrshina Leisan Radifovna, Ph. D. in Philology

Khannanova Gul'chira Makhmutovna

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan

leysan_tatar@mail.ru; ghan2003@mail.ru

The article examines the motive of dream in the creative work of Ğabdulla Tuqay and the Tatar poetry of the beginning of the XX century. The authors propose a different approach to studying the motives of the poet's creative work: a certain motive is analysed in the context of the Tatar poetry of this period, the paper focuses on identifying stable semantic variants conditioned by the peculiarities of literary process. Special attention is paid to the analysis of the chosen motive both at the level of poetics and at the semantic level by the material of the lyrical and lyrical-epical works of this period. The paper concludes that the motive of dream dominates in Ğabdulla Tuqay's poems and the Tatar poems of the beginning of the XX century written in the critical realism genre. This motive has national significance and is observable in the lyrical-epical works of other authors where it correlates with the modernistic paradigm.

Key words and phrases: motive of dream; Tatar poetry; oneirosphere; oneiric states; motive; artistic world; Ğ. Tuqay; artistic paradigm.

УДК 801.73

Дата поступления рукописи: 15.09.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.9>

Статья посвящена осмыслению проблемы творческой личности в романе Дж. Лондона «Мартин Иден», сочетающем элементы романа карьеры и “Künstlerroman” («роман о художнике»), в котором прозаик объективно изобразил жизнь человека искусства, его психологические проблемы. Установлено, что ключевым источником сюжетной коллизии становится трагическое несоответствие реальности и романтической идеализации идей и личностей, что ведет протагониста к последующему разочарованию в идеалах и потере жизненных ориентиров. Главной причиной трагедии героя является духовное одиночество – расплата, постигающая того, кто смеет подняться слишком высоко, мыслить слишком смело.

Ключевые слова и фразы: Джек Лондон; литература США; автобиографичность; личность; традиция; художник; буржуазное общество.

Осьмухина Ольга Юрьевна, д. филол. н., профессор

Танасейчук Андрей Борисович, д. культурологии, доцент

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет

имени Н. П. Огарева, г. Саранск

osmukhina@inbox.ru; atandet@yandex.ru

ТРАГЕДИЯ ХУДОЖНИКА В РОМАНЕ ДЖ. ЛОНДОНА «МАРТИН ИДЕН»

Проблема творческой личности, стремящейся реализовать себя в буржуазном мире, основанном на материальных ценностях, становится доминирующей в западной литературе, начиная с эпохи романтизма. Ее постановка обнаруживается в произведениях писателей, подчас принципиально различных творческих ориентаций – от Ф. Р. де Шатобриана, Э. Т. А. Гофмана, Жорж Санд до Ч. Диккенса, О. де Бальзака, Т. Драйзера, Б. Шоу, Т. Манна, Р. Роллана и др. Она занимает важное место и в художественном наследии Дж. Лондона, являясь одним из «измерений» историко-культурного процесса и закономерностей развития творчества писателя [5; 9-13; 17] и давая ключ к пониманию роли личности, ее прав и свобод в развитии общественного прогресса.

Проявляя большой интерес к судьбе личности творческой, исследуя особенности сугубо «художественного» взгляда на мир, изучая роль художника в различных областях жизни социума, в своих произведениях Лондон стремился объективно отразить бытие человека искусства, показать развитие новых приоритетов и общественных ценностей, что позволяет рассматривать его литературное наследие как своеобразную реакцию на изменения духовного содержания всей эпохи [16, р. 261-262].

Сразу оговоримся, что роман Дж. Лондона «Мартин Иден» (1909) автобиографичен, на что неоднократно указывали отечественные и зарубежные исследователи [1-2; 4; 5; 9-10; 15; 17]: как и его создатель, Мартин Иден, не имея возможности рассчитывать на поддержку семьи, рано начал работать и перепробовал множество профессий (он был ковбоем, разносчиком газет, моряком, в связи с чем можно с уверенностью говорить